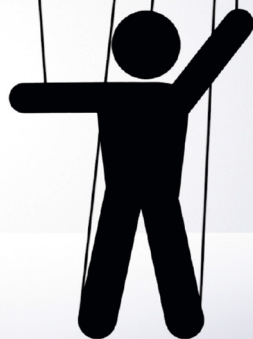

А. Н. Медушевский

ДЕМОКРАТИЯ И АВТОРИТАРИЗМ

Российский конституционализм
в сравнительной перспективе

А. Н. Медушевский

**ДЕМОКРАТИЯ И АВТОРИТАРИЗМ:
Российский конституционализм
в сравнительной перспективе**

**Москва-Берлин
2015**

УДК 321.7

ББК 66.3

М42

Медушевский А. Н.

М42 Демократия и авторитаризм : российский конституционализм в сравнительной перспективе / А. Н. Медушевский. – М.-Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 656 с.

ISBN 978-5-4475-2852-2

В книге на большом фактическом материале новых источников и интернациональной литературы раскрывается проблема конституционализма как явления мирового и российского исторического процесса. В монографии рассматривается становление современной демократии как социальной и политической системы и теории перехода от традиционного общества к массовому; механизм власти и типология форм правления в ходе крупнейших европейских революций; российская модель конституционализма в мировом политическом процессе. Фактически в работе обобщен весь опыт российского парламентаризма и конституционализма в сравнительно-историческом освещении. В центре исследования при этом крайне актуальная для современной России проблема перехода от авторитарных политических систем к демократическим. С этой целью автор дает сравнительный анализ основных европейских моделей политических систем при переходе от абсолютизма к различным типам конституционной монархии и от них к двум основным формам современного демократического государства – президентской и парламентской республикам. Особое внимание уделяется раскрытию конфликтного потенциала трех основных компонентов российской политической системы – Государственной Думы, административной системы правительства и главы государства.

Книга печатается по изданию: Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – 650 с.

УДК 321.7

ББК 66.3

ISBN 978-5-4475-2852-2

© Медушевский А. Н., текст, 2015

© Издательство «Директ-Медиа», оформление, 2015

ВВЕДЕНИЕ

Одной из центральных проблем современного политического развития России стал, по общему признанию, конституционный вопрос. В то же время философский анализ данной проблемы значительно отстает от практических попыток ее решения. Главная трудность при этом заключается, как неоднократно отмечалось, в существенной специфике российского социально-политического процесса, ставящей под сомнение саму возможность использования классических западных моделей политического устройства. В ходе социально-политических реформ последнего десятилетия эта проблема была последовательно представлена в виде трех взаимосвязанных суждений: констатация желательности введения в России лучших западных форм конституционализма и парламентаризма; признание невозможности решения этой задачи путем простого перенесения данных моделей в Россию; вывод о необходимости особой стратегии конституционных реформ, призванной дать синтез западных норм и русских политических реалий. Доминирующей в ходе споров всегда оставалась одна тема — в чем причина нерешенности конституционного вопроса в России, а стереотипный ответ гласил — в стабильности механизма авторитарной власти, который воспроизводится вплоть до настоящего времени в изменяющихся формах. Но такое объяснение представляет собой замкнутый круг, где следствие и причина последовательно сменяют друг друга. В данном исследовании необходимо поэтому рассмотреть российский конституционализм не прагматически, но системно — как целостное явление социальной, политической и интеллектуальной жизни страны и мирового социо-культурного процесса. В данной перспективе необходимо провести сравнительно-типологическое исследование, в центре которого должен стоять анализ и интерпретация фундаментального социального конфликта нового и новейшего времени. Мы определяем этот конфликт как переход от традиционалистского (в основе — феодального) общества к гражданскому массовому обществу. Данный подход позволяет рассматривать изучаемый политический феномен в связи с философским анализом крупнейших социальных революций, в ходе которых в мировой истории возникают классические концепции, заложившие основу современного социолого-философского исследования. Данный подход определил структуру книги, которая состоит из трех крупных частей: Становление современной демократии. Теории перехода от традиционалистского общества к массовому (Часть I); Абсолютизм и революция: механизм власти и

типология форм конституционализма (Часть II); Российская модель конституционализма в мировом политическом процессе (Часть III).

Конституционализм может интерпретироваться как осознание обществом социального конфликта и его теоретическая интерпретация, как метод и инструмент разрешения этого социального конфликта и, наконец, как определенный феномен политической системы. В данном исследовании представлен синтез всех трех взаимосвязанных подходов.

В первой части прослеживается ряд основных этапов осознания фундаментального конфликта общества и государства в теоретических концепциях выдающихся политических мыслителей. В центре внимания — происхождение современной демократии, конституционализм как теоретическая проблема и его ключевые понятия. (Глава 1). Рационалистическая трактовка естественного права, общественного договора и концепции власти появляется уже у Гоббса, теория которого оказывается столь созвучной современности именно потому, что впервые дает целостное рациональное объяснение социального порядка, исходя из понимания реальной перспективы революционной катастрофы, поиска путей выхода из нее. Полемика Гоббса и Локка по этому вопросу создает два полюса развития последующей теоретической мысли, особенно в период Славной революции 1688 г. Эта логика находит развитие в основных концепциях французского просвещения, когда идеи Руссо и Монтескье становятся основой двух взаимоисключающих политико-правовых доктрин революции — народного суверенитета и представительного правления. Опыт социального переворота, вызванного Французской революцией, а главное — связанных с ней утопических ожиданий, — становится основой крупнейших политических теорий нового времени. Переломное значение в этом отношении сыграла теория демократии и революции А.Токвиля (Глава 2). Рассматривая переход к демократии как объективную тенденцию нового времени, Токвиль впервые четко показал опасность всеобщего конформизма, таящегося в массовом обществе. С этих позиций он раскрыл главное противоречие Французской революции, состоящее в столкновении несовместимых принципов свободы и всеобщего равенства, что, в свою очередь, открывает путь к формированию более жесткого авторитарного режима. Стремление понять революцию и демократию не как чисто политическое, но прежде всего как социальное явление стало одним из важнейших импульсов для возникновения социологии и появления важнейших эволюционистских концепций XIX в. В этом ряду — учение О.Конта, поставившего задачей формирование особой науки о социальных законах общества и считавшего возможным создание гармонично устроенного общества на основе научного прогноза. В качестве английской параллели этого учения выступает эволюционистское учение Г.Спенсера и Дж.С.Милля, сформулировавших принципы либеральной политической социологии. Особое значение для данной темы имеют труды ученых, изучавших транс-

формацию традиционалистских обществ в современное и видевших главную проблему в отношении к этому процессу революционных изменений и путей их осуществления. Это свойственно в равной мере для английской социологии Э.Берка, Г.Спенсера и Дж.С.Милля, французской социологической мысли Конта, Токвиля и Э.Дюркгейма, немецкой философской традиции — от Гегеля и Маркса до М.Вебера.

Особое место в этой теоретической мысли принадлежит классической немецкой философии, идеи которой интерпретируются в данном исследовании прежде всего в связи с разработкой концепции демократии в условиях модернизации (Глава 3). Она дает философское осмысление Французской революции, формулирует учение о развитии через противоречие, его политические выводы в виде концепции гражданского общества и правового государства. В метафизической философии Канта, Шеллинга, Фихте и особенно Гегеля — прослеживается анализ доминирующих тенденций социального развития, трансформации сословного общества в гражданское, выражение социальных противоречий в концепции отчуждения и поиск его преодоления на путях рационально организованного общества и правового государства. В сочинениях германских либералов середины XIX — начала XX в. мы находим уже четкую концепцию правового государства как воплощения воли нации, как юридического лица. Завершением этой эволюции политической мысли следует признать веберовскую концепцию рациональной бюрократии, рассматриваемой с позиции ее функции в трансформации общества. Вся данная традиция политической и философской мысли формирует своеобразную доктрину модернизации общества, осуществляемой государством в условиях быстрых социальных изменений. Наиболее четко суть конфликта была выражена в русской либеральной политической мысли, все основные представители которой писали о революции или принимали в ней участие. Стратегия и тактика конституционалистов в условиях ускоренной политической модернизации явилась центральной проблемой политической мысли России новейшего времени. Политическая философия русского конституционализма рассматривается поэтому как синтез двух идейных направлений: с одной стороны, в сравнительной перспективе генезиса западноевропейского парламентаризма, а с другой — обобщения и анализа российской политической традиции. В этой связи подчеркнем проблему формирования и функционирования политических партий в условиях демократии и реализации принципа равенства в обществе (Глава 4). Пути выхода из противоречия общества и государства новейшего времени, цельная система взглядов на соотношение революции и реформы, роль государства в проведении преобразований оказались в центре политической философии русского либерализма (Глава 5).

Если в первой части конституционализм рассматривается прежде всего как теоретический анализ социального конфликта общества и

государства, то во второй части конституционализм интерпретируется как метод и инструмент разрешения этого конфликта в сравнительно-исторической перспективе. В центре внимания — основные проблемы конституционного процесса, механизм власти и типология форм конституционализма в сравнительной перспективе (Глава 6). Становление конституционной системы в странах Западной Европы и в России дает возможность выявить типологию режимов классического парламентаризма, проследить генезис мнимого конституционализма, его эволюцию и раскрыть место и формы мнимого конституционализма в мировом политическом процессе (Глава 7). Особое значение для данного исследования имеет вопрос о типологии имперской государственности Восточной Европы, историческом и типологическом соотношении конституционной монархии и президентской республики. В качестве ключевых проблем выступает для раскрытия механизма политической системы принцип разделения властей, а для раскрытия ее реального функционирования — модели соотношения власти и собственности, формирования после всех крупных революций нового правящего класса (Глава 8).

Российская модель конституционализма, ее место в мировом политическом процессе, типологические черты и перспективы развития анализируются в третьей части исследования. Современная российская политическая система выступает в длительной исторической преемственности предшествующих политических режимов, каждый из которых составляет определенную ступень в развитии общества и государства. Необходимо поэтому проследить становление идей российского конституционализма до начала XX в., конституционную практику и теорию русского либерализма и становление конституционной монархии в России, показать природу власти и права в условиях советской диктатуры, ее становление, функционирование и упадок. Именно в данной длительной сравнительно-исторической перспективе оказывается возможным по-новому интерпретировать конституционализм и его перспективы в современном политическом процессе. Русский конституционализм в политической практике реализовался чрезвычайно поздно, но как идейное течение и идеологическая концепция имеет длительную традицию становления и развития. Он может интерпретироваться как поиск путей его разрешения. Представляется необходимым поэтому не осуществлявшийся ранее сравнительный анализ русских проектов правового регулирования власти, целостное рассмотрение их западных моделей и национального содержания — от первых попыток введения представительных учреждений до конституционных проектов новейшего времени и современных программ решения конституционного вопроса (Глава 9).

Высшим достижением российской политической мысли предреволюционной эпохи явилась конституционная программа русского либерализма, практически не становившаяся до настоящего времени предметом специального исследования. Между тем она обладает теоретической цельностью, в ней последовательно и юридически

профессионально разработаны принципы политической системы, основы правового государства. Продолжая достижения мировой политической мысли она в то же время представляет собой оригинальную концепцию перехода к конституционной монархии в России. Особый интерес, в частности, представляет юридическое обоснование принципа разделения властей (правовой статус и отношения парламента, монарха и исполнительной власти) (Глава 10). Следует отметить далее, что по существу не изучен вопрос о российском варианте конституционной монархии и его реализации в начале XX в. Споры старых юристов по этой проблеме оказываются очень современными именно потому, что они затрагивают принципиальные вопросы трансформации авторитарной политической системы в правовое государство. Оказалось поэтому необходимым специально проанализировать основные параметры и этапы эволюции данной политической системы. Одним из основных принципов построения данной книги является анализ политических явлений в их сравнительной типологии и длительной исторической перспективе. Переход от традиционного аграрного общества к массовому, взятый в качестве социологической проблемы, рассмотрен в сравнительной перспективе исторического опыта крупнейших революций нового и новейшего времени и современности. Одна из ключевых проблем — несоответствие идеологических норм и действительности, деклараций о воле народа и практики установления авторитарных режимов. Анализ механизма этого перехода составляет одну из главных проблем современной политической социологии. В центре внимания при этом оказывается явление мнимого конституционализма (монархического периода), переход от него к номинальному конституционализму советской диктатуры и в ходе последующей модификации политического режима — к системе президентской республики (Глава 12).

Целостное исследование российской модели конституционализма в мировом политическом процессе позволяет дать ответ на вопрос о том, что в данном социальном феномене является существенно общим, а что исторически преходящим; что составляет социальную опору данной системы взглядов, всегда ли она едина и неизменна; в чем состоит причина возрождения либерального конституционализма в наши дни и в чем состоит, наконец, специфика российской модели конституционализма. Ответ на эти вопросы определяет смысл современного анализа политической философии русского конституционализма.

Часть 1

**СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ.
ТЕОРИИ ПЕРЕХОДА ОТ
ТРАДИЦИОНАЛИСТСКОГО
ОБЩЕСТВА К МАССОВОМУ**

Глава 1

КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ: ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР, ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

1. *Общество и государство в учениях Платона и Аристотеля.*
2. *Общество и государство в политической мысли Средневековья. Монархомахи.*
3. *Социальный порядок как альтернатива революции. Гоббс и Локк.*
4. *Две модели политической системы. Народный суверенитет и представительное правление. Руссо и Монтескье.*

1. Общество и государство в учениях Платона и Аристотеля

Рассмотрение проблем гражданского общества целесообразнее всего начать с его философского обоснования. Это предполагает в свою очередь обращение к доктрине естественного права, которая на протяжении многих столетий с древности до нового времени служила общей теоретической основой всякой концепции социального устройства¹. В самом общем виде естественное право может быть определено как правовая система, призванная стать общей для всего человечества, нормы которой происходят скорее из природы, нежели из общественных правил или позитивного права. На всем протяжении истории данной концепции, начиная с греческих мыслителей, шли споры о природе естественного права и характере его отношений с позитивным правом. Эти споры имели определяющее значение не только в области философии права, но и для определения таких фундаментальных понятий, как общество, общественный договор, государство.

Учение об общественном договоре получило свое обоснование в рамках теории естественного права, связано с ней исторически и генетически². Поэтому концепция общественного договора прошла в своем развитии сходные этапы и представляет собой по существу основной социологический вывод из естественно-правовой доктрины. Действительно, уже у древних греческих авторов, выдвинувших саму идею естественного состояния и естественных законов, находим представление о необходимости объединения людей в общество для

взаимной помощи и защиты, а также достижения известных общих целей. Политическая жизнь Греции характеризовалась постоянными изменениями, революциями, разнообразием форм правления, дававшим пищу для сравнений. Афины и Спарта представляли две основных модели государственности — демократическую и авторитарную, которые получили теоретическое основание в политических теориях той и другой направленности с древности до нашего времени. Анализ конституций различных городов-государств Средиземноморского мира, а также законодательного процесса в них, позволял размышлять об оптимальных способах организации общества и политической власти, формах правления.

Такой подход к проблеме общественного устройства встречаем уже у Сократа, который, если судить по дошедшим источникам о его взглядах, выделял пять форм правления по характеру осуществления власти, а также числу правящих лиц — монархия, тирания, плутократия, аристократия и демократия. Главное отличие монархии от тирании состоит в соответствии правления законам и добровольности подчинения. Эти взгляды получили развитие у Платона в таких трудах как «Политика», «Государство» и «Законы», где представлена его концепция идеального государства и излагается учение о формах правления. Политические идеи Платона всегда вызывали неоднозначную оценку в литературе. Его считали создателем теории совершенного общественного устройства, просвещенного абсолютизма с философом на троне, одним из предшественников коммунизма, а также фашистского государства. В своем известном труде — «Открытое общество и его враги» К. Поппер рассматривает Платона как родоначальника той традиции в европейской политической мысли, которая через средневековые теологические доктрины, а затем учения Руссо, Гегеля и Маркса, ведет к обоснованию тоталитарных режимов новейшего времени³. Для такой интерпретации учения Платона действительно имеются серьезные основания. Выводя совершенное общество из абстрактной идеи блага, Платон представляет его как закрытую, отдаленную от внешнего мира, четко иерархизированную социальную корпорацию, функционирующую на основании отлаженной системы административного регулирования, принуждения и контроля с помощью жестких законов. В этом обществе реализуется принцип высшей справедливости, поскольку люди, наделенные от природы неодинаковыми способностями, будут заниматься лишь теми общественно-полезными делами, которых требует от них государство. Фактически проектируется система профессиональных каст — ремесленников, рабочих, мореходов, купцов, учителей, врачей и т.п.⁴

Совершенному правлению Платон противопоставляет несовершенное, которое, в свою очередь, подразделяется на законное и незаконное. В соответствии с числом лиц, находящихся у власти, Платон выделяет следующие формы несовершенного правления: монархия, аристократия и демократия, ограниченная законом, а также

их противоположности — тирания, олигархия и неограниченная законом демократия. Основной причиной смены форм правления Платон считает биологическую деградацию правящего класса в результате смещения его с менее достойными людьми из низших слоев общества, причем их последовательное преобладание определяет направленность перемен. Худшими формами правления являются при этом те, которые представляют крайние начала, т.е. демократия (для нее характерна острая социальная борьба различных классов населения) и тирания (где господствует воля одного человека), причем они генетически связаны между собой, ибо тирания проистекает из демократии, доведенной до крайности. Господство законов, считает Платон, может быть достигнуто лишь при смешанной форме правления, поскольку существует несколько уровней распределения власти и ответственности. Если идеал Платона был в значительной степени отражением той модели государства, которая была создана в Спарте Ликургом, то Аристотель в своих политических сочинениях опробовал в основном опыт Афин, других демократических государств Греции, а также складывающейся Македонской империи.

Наиболее важными трудами Аристотеля по проблемам политики являются «Этика», «Политика» и «Риторика»⁵. В них он осмыслил общество как моральное и политическое целое, при этом право выступает как важная организующая сила. Ради собственного блага люди создают различные формы общения — семью, село, государство, каждая из этих форм имеет свой объем регулируемых социальных отношений, власти и подчинения, шире предыдущих и вбирает их в себя в виде составных частей. Государство естественным образом вырастает из семьи, воспроизводя на новом уровне отношения власти и подчинения, ранее возникающие там (отношения господина и раба, мужа и жены, отца и детей). Оно выступает как самая широкая социальная общность, для которой свойственны политические отношения регулирования. Отсюда известный тезис: человек, живущий в обществе, есть существо политическое. Логика естественно-правового подхода к обществу вынуждает Аристотеля принимать как данность и даже оправдывать все отношения, существующие в нем, наиболее ярким примером чего является его апология рабства. Однако та же логика позволяет ему более реалистично, нежели его учителю — Платону, судить о принципах функционирования обществ и направлении желательных изменений в нем.

Идеал Аристотеля — это открытое и динамично развивающееся общество, где имеют место различные формы собственности, действует механизм экономического саморегулирования и корреляции, а политическая власть осуществляется разветвленной системой институтов и назначаемых обществом должностных лиц. В своей «Политике» Аристотель подробно анализирует основные положения платоновской концепции идеального государства и подвергает их основательной критике. Его не устраивает прежде всего сам принцип унитарного и единого государства, построенного на коллективност-

ских началах, где все находятся в одинаковом положении. Кто, — задается Аристотель вопросом, — эти все, и отвечает, что данное понятие представляет собой или определенную абстракцию, миф, не существующий в действительности, или реальную совокупность индивидов, различающихся друг от друга, а потому имеющих далеко не совпадающие интересы и представления. Отметим, что эта критика остается вполне актуальной также для нового и новейшего времени, когда с появлением гражданского общества и ростом массовой культуры широкое распространение получали различные упрощенные идеологические представления типа общей воли Руссо, национального государства, диктатуры пролетариата.

Учение Аристотеля о государстве как системе разнородных, но взаимосвязанных элементов, нашло выражение в его концепции политической власти, которая интерпретируется им не как единая и стоящая над всеми воля, а, наоборот, как совокупность нескольких, причем вполне автономных властей — законосовещательной, судебной и правительственной. Еще в старой юридической литературе шел спор о том, как соотносятся эти власти между собой и можно ли считать их равноценными (некоторые полагали, что совещательная власть была для Аристотеля верховной, а две другие — носили подчиненный характер). Спор этот имел принципиальное значение, поскольку был непосредственно связан с вопросом о том, можно ли считать учение Аристотеля первой попыткой сформулировать теорию разделения властей, оформившуюся в четкой концептуальной форме лишь в новое время в учениях Локка, Монтескье и последующих либеральных мыслителей XIX в. Нам представляется, что именно такая интерпретация, получившая широкое распространение и в современной литературе, более соответствует действительности, если, конечно, не модернизировать излишне содержание вводимых Аристотелем понятий. Во всяком государстве, независимо от формы правления, считал он, существует три основных элемента, которые в принципе могут быть соотнесены с современным представлением о законодательной, исполнительной и судебной властях и соотношения которых во многом определяет характер государственного строя. Вот эти элементы: первый — законосовещательный орган о делах государства, второй — магистратуры (именно: какие магистратуры должны быть вообще, какие из них главные, каков должен быть способ их замещения), третий — судебные органы. В компетенцию первой из указанных властей — законосовещательной, которая осуществляется народным собранием, группой должностных лиц или с помощью различных комбинаций того и другого варианта, входит решение вопросов о войне и мире, заключении и расторжении союзов, принятии законов, о смертной казни, изгнании и конфискации имущества, наконец, избрании должностных лиц и их отчетности. Вторая, исполнительная, власть (или магистратура) представлена особой группой лиц, наделенных соответствующими полномочиями в области законосовещательной, решающей и главным образом —

распорядительной власти. Аристотель хорошо понимает значение этой группы людей, фактически — чиновников или администраторов в процессе управления. А потому он специально обращается к таким вопросам, как, — сколько должно быть магистратур, какова компетенция каждой из них, из кого, кем и как магистратуры должны быть замещаемы, какой срок каждая магистратура должна функционировать, целесообразно ли делать ее пожизненной или временной, а также допускать повторное избрание на одну должность. Аристотель классифицирует магистратуры по ряду признаков: по степени их соответствия различным видам государственного строя, по способам замещения магистратур (выборы, жребий, совмещение этих двух принципов, а также полнота представительности выборщиков и выбираемых или назначаемых на должности), наконец, по степени компетенции (например, охрана государственной территории, сбор налогов с населения и т.п.). В принципе он подчеркивает необходимость разделения сфер деятельности и специализации чиновников, однако допускает определенные отклонения от этого принципа в соответствии с величиной государства и характером правления. Третья, судебная власть рассматривается со сходной точки зрения. Его интересует прежде всего социальная опора суда — кто судьи и насколько широк тот слой людей, из которых они избираются, далее — круг вопросов, подведомственных их компетенции (что подлежит их суду) и порядок их назначения и деятельности, которые возможно различаются в зависимости от формы правления и определяют место судебной власти в обществе. Как видим, Аристотель вполне определенно формулирует идею о существовании определенных видов властей и различиях между ними. Отметим, что компетенция разных властей у него часто неопределенна и в значительной мере пересекается.

2. Общество и государство в политической мысли Средневековья. Монархмахия

Политическая мысль Рима, не будучи столь разработанной, как предшествующая греческая, унаследовала от нее общий взгляд на проблему. В сочинениях Цицерона⁶, например, присутствует идея о том, что правительство основывается если и не на договоре, то на согласии граждан. Но она не получила у него последовательного завершения, поскольку основу воззрений Цицерона составляло вытекающее из естественного права убеждение в том, что общество есть органическое продолжение семьи, а потому правители вправе требовать лояльности граждан при любых обстоятельствах. Трактовка договорных отношений и обязательств в классическом римском праве также следовала буквальному пониманию естественно-правовой теории, а потому не могла акцентировать внимания на специфически политических выводах из нее — об отношении общества и

государственной власти. Римское право содержало основу для двух, принципиально различных его трактовок: с одной стороны, это право, сформировавшееся полностью и кодифицированное уже при абсолютной императорской власти, исходило из ее неограниченного характера, рассматривая волю императора как закон, с другой — оно знало и другое положение — о том, что сама эта власть в конечном счете основывается на согласии суверенного народа.

Синтез римского права и учения христианской церкви в период средневековья не разрешил этой дилеммы, но скорее даже усилил ее. Согласно учению отцов церкви само существование светской власти, государства, не вытекает непосредственно из естественного права, природы человека, но представляет собой нечто искусственное и навязанное ему извне как следствие испорченности человеческого рода, погрязшего в грехе. Это учение, развивавшееся Св. Августином, следует понимать не как теорию народного или вообще светского правления, но напротив, как обоснование претензий церкви на политическую власть. Тем не менее, некоторые исследователи полагают, что в этой концепции о греховном происхождении светской власти и вытекающей отсюда необходимости ее ограничения в начальной форме уже присутствует идея общественного договора, получившая затем развитие в английской традиции политической мысли от средневековых писателей к Локку, Бентаму и далее вплоть до учения Г. Спенсера в XIX в. Хотя средневековая мысль не формулировала договорной теории в чистом виде, она создала предпосылки для него в виде представления об искусственности государства и защите внутренней свободы человека от его насильственного вмешательства. Принцип договорных отношений в значительной степени был присущ всей политической теории и практике средневековья, регулировал, в частности отношения подданных (в виде знати или сословно-представительных учреждений разного рода) и суверена, отразился в трактатах о природе королевской власти. С течением времени в Западной Европе все отчетливее выступила идея о том, что договор является основой правления. В ходе выдвижения и коронационных церемоний средневековых королей и императоров, брала верх воплощенная в феодализме концепция о первенствующем значении права (священного, естественного или римского) по отношению к власти, выведении власти из права и согласия подданных, причем уже в это время иногда появляется и сам термин, обозначающий понятие договора (*tractum, foedus*). В то же время это не была еще теория общественного договора или даже государственного договора, как она стала интерпретироваться в эпоху Возрождения и последующее время, когда она начала выступать своеобразным противовесом абсолютистским теориям. В эту эпоху политический процесс развивался уже под знаком господства двух противоположных теорий правления — народного суверенитета и божественного права монархов. В период позднего средневековья решающее значение получила специфическая концепция политической власти, которая должна была быть монархической, но опирающейся на установлен-

ные законы, освященные церковью, естественным правом а обычаями страны. Идущее от античности противопоставление монархии и тирании было присуще и средневековью и стало частью западной политической традиции, найдя впоследствии выражение в политических теориях (например, Монтескье) и практике конституционализма.

Хотя договорная теория была широко распространена в Средние века, ее подлинная история начинается, по мнению большинства исследователей, лишь с XVI в., когда она получила широкое распространение и начала играть роль в политической борьбе. Особой остроты эта борьба достигла в период Реформации, когда католики и протестанты начали активно искать теоретическое обоснование своих позиций. После Варфоломеевской ночи и в ходе религиозных войн во Франции, других странах Европы, оппозиционные правительству писатели и публицисты из протестантской среды, получившие название монархомахов (*monarchomachi* — противники монархии) выдвинули свою концепцию общественного договора и монархической власти. Наибольшую известность среди них получили преемник Кальвина в Женеве — Теодор Беза (1519—1602), военачальник и политический писатель, доверенное лицо и дипломат Генриха IV — Филипп Дюплесси-Морнэ (1549—1623), профессор в Лозанне, Страсбурге а Базеле Франсуа Отман (*Hotman*) (1524—1590) — советник Кондэ и историограф, автор «*Franco Gallia*» (1573), а также Хубер Ланге (1518—1581)⁷. В развернувшемся религиозном конфликте предметом полемики стали не только проблемы теологии. Государство в лице монарха претендовало на монополию как в сфере духовных, так и светских отношений, а потому наносило удар прежде всего по оппозиционно настроенной гугенотской аристократии. Поэтому обоснование борьбы с монархической властью стало не только вопросом выживания для протестантизма, но и проблемой борьбы за власть и ее перераспределение. Теория общественного договора стала основным предметом споров и получила именно в это время более четкое оформление. Если выразить аргументацию монархомахов одной формулой, то она состоит в следующем: король, отступающий от традиционно существующих правил и норм, есть тиран; тиран, однако, есть незаконный правитель, выступление против которого не только дозволяется, но и необходимо. На этом основании покоились два ключевых положения политической теории монархомахов — учение о легитимном правлении и, соответственно, его антитезе — тирании и учение о легитимном сопротивлении власти. В этой теории формально народ выступает как суверен, создатель верховной власти, а правитель как исполнитель его воли, выразитель общих настроений. Однако, можно ли при всей нетрадиционности и новизне терминологии монархомахов утверждать, что их теория договора и права на сопротивление тирании находится в непосредственной преемственности с трактовкой общественного договора в буржуазную эпоху? При ответе на этот вопрос исследователи придерживаются различных пози-

ций. Если рассматривать эволюцию теории общественного договора в общеисторической перспективе, с древности до нового и новейшего времени, то следует признать, что интерпретация ее монархонами обладает многими признаками качественно новой парадигмы, разделяющей средневековое понимание вопроса от того, которое постепенно набирало силу в новое время. Однако скептики также во многом правы, когда они отмечают, что такие понятия, как народ, договор, власть имели у монархонах весьма специфический смысл, отличный от последующего. Так, например, народ они понимали вовсе не как организованную общественным договором совокупность первоначально разрозненных индивидов (это свойственно стало лишь для договорных теорий XVII—XVIII вв.), а как некоторое единство, целостный сословно расчлененный порядок, где не было места свободным и равным индивидам. Отсюда и специфика их понимания права на сопротивление власти: им обладают лишь определенные корпоративные единства, сословия, прежде всего знать, но никак не отдельные (частные) лица. Подтверждением этому может служить сводка требований монархонах к королевской власти. Фактически это выражение претензий земельных магнатов и их представителей, обусловленных борьбой за собственность и власть. Без их одобрения король не может решать, что направлено ко всеобщему благу, самостоятельно определять судьбы трона, не имеет права отчуждать какую-либо часть доменных владений без одобрения общего собрания, прекращать уголовный процесс или выносить тяжелые наказания без согласия парламента, он не имеет власти отстранять чиновников королевства без уведомления и подтверждения парламента и, наконец, менять право без общего собрания. Если тиран проявляет чрезмерную жестокость и нетерпимость, то, согласно этой доктрине, можно обратиться за защитой и поддержкой к чужеземному государю. Как отмечалось в литературе, появление учения монархонах можно рассматривать как консервативную реакцию феодальной аристократии на процесс объединения земель в одно политическое целое и концентрации власти монарха. Переход от религиозного к государственно-политическому синтезу осуществлялся в рамках традиционных форм мышления и представлял собой в значительной мере апологию сословного патримониализма. Тем не менее, именно в XVI в. мыслители многих стран, исходя из принципов естественного права, вплотную подошли к созданию теории общественного договора и во всяком случае сформулировали ряд ключевых ее положений.

3. Социальный порядок как альтернатива революции.

Гоббс и Локк

Гроций и Гоббс стояли вместе во главе той школы естественного права, которая в соответствии с общими тенденциями эпохи Просвещения

щения стремилась сконструировать целостное здание права путем рациональной дедукции от фиктивного естественного состояния, за которым следовало заключение общественного договора⁸. В Англии Локк, отталкиваясь от пессимистической теории Гоббса, стал склоняться к интерпретации естественного состояния как равенства и свободы индивидов. Во Франции Монтескье считал, что естественные законы представляют собой досоциальное явление, а потому стоят выше религии и государства, а Руссо доказывал, что именно дикарь является носителем добродетели благодаря своей изолированности от цивилизации. Идеи Гоббса оказываются поэтому источником различных интерпретаций общественного договора. Этот мыслитель впервые использовал достижения новой физики (Коперника, Кеплера, Галилея) для изучения общества. Геометрический метод, основанный на математических расчетах, гораздо более доказателен, чем сочинения моралистов предшествующего времени. Согласно данному подходу, процесс познания идет от чувственных данных к основополагающим принципам, от установления причин явлений к пониманию их действия. Появляется возможность рассмотрения общества как определенного механизма, подчиненного известным законам в своем функционировании.

Таким образом, теория Гоббса имеет много общего с некоторыми ведущими направлениями современной социологии, в частности теорией систем и структурно-функциональной школой в объяснении общества и государства, с чем связан особый интерес к данному мыслителю в современной науке. Учение Гоббса изложено им в трех основных трудах — «Основы философии» (1642 г.), «Левиафан, или природа, форма и власть правительства» (1651 г.), а также, отчасти, «Бегемот» (1668 г.), в которых была дана социологическая теория, являющаяся в значительной степени результатом анализа событий Английской революции и диктатуры Кромвеля. Можно сказать, что учение Гоббса — это анатомия революции, написанная ее убежденным противником. «Я, — пишет Гоббс, обращаясь к современникам и потомкам, — сделал это для того, чтобы измеряя справедливость ваших замыслов не словами или советами частных лиц, а законами государства, вы не позволили в дальнейшем честолюбивым людям проливать вашу кровь ради приобретения ими власти. Я надеюсь научить вас предпочитать наслаждение настоящим состоянием вещей, хотя оно и не является наилучшим, стремлению к тому, чтобы в результате войны, после того, как вы будете убиты или состаритесь, другие люди в ином веке имели лучшее государственное устройство»⁹. Главной проблемой, которую он стремится решить, становится возникновение и природа гражданского смуты, а также пути ее преодоления, причины появления из ее недр авторитарного режима. Отправной точкой размышлений служит Гоббсу природа индивида как первичного элемента общежития. Человек является существом с двойственной природой: с одной стороны, он является физическим телом (и в этом отношении служит

объектом изучения естественных наук), с другой — составляет часть государства, политического тела, в котором выступает в качестве гражданина. Эта вторая сторона его природы изучается особыми разделами философии — этикой, трактующей о правах и склонностях, и политикой, исследующей гражданские обязанности индивида. Согласно логике номиналистского подхода, который он последовательно обосновывает, Гоббс видит свою задачу в создании на этой основе единой концепции общества, из которой путем дедукции выводятся основные понятия — естественное состояние, общественный договор и государство. Взгляд Гоббса на естественное состояние человечества принципиально отличается от предшествующих теологических концепций, во-первых, отрицанием гармонического характера этой эпохи, во-вторых, противопоставлением вечных и неизменных принципов естественного права реальной практике взаимоотношений между людьми, в-третьих, подчеркиванием изначальной индивидуалистической природы человека. Различая естественный закон (общие правила, основанные на разуме) и естественное право (вытекающее из природы право силы), Гоббс фактически ставит перед собой только одну проблему — как дать реализоваться первому и по мере возможности исключить действие второго. Естественные законы имеют божественный характер, мудры, вечны и неизменны, а то, что они предписывают или запрещают, никогда не может быть отменено. Общий смысл этих законов, соответствующих неизменным началам разума и справедливости, выражается известной заповедью — не делай другому того, чего ты не хочешь, чтобы сделали тебе. К числу таких законов относятся фактически этические нормы поведения. Важнейшими из них являются необходимость стремиться к миру пока это возможно, рассматривать других людей как равных себе, поддерживать нерушимость права, верность соглашениям и неприкосновенность посредников на переговорах, независимость судей и т.д.

Действие этих законов может меняться в зависимости от обстоятельств, но они всегда будут соответствовать природе разума, а отступления от них караться судом совести. В свою очередь, естественное право человека, вытекающее из его эгоистической природы, дает ему возможность делать все, что угодно и против кого угодно ради своей пользы. Каждый является судьей самому себе и для достижения своих целей использует те средства, которые считает наилучшими. Поэтому в естественном состоянии господствует полная анархия — постоянная война всех против всех, которая не может завершиться чьей-либо окончательной победой (в подтверждение чему Гоббс указывает на нравы древних племен и американских индейцев). В принципе люди ненавидят и боятся друг друга, а главным чувством, которое ими владеет — это страх. Поэтому основным движущим мотивом их поведения является самосохранение. Решение проблемы он видит в преодолении деструктивного индивидуализма естественного состояния путем заключения общественного

договора, когда свобода индивида приносится в жертву его главной потребности — в самосохранении. При этом Гоббс исходит из чисто юридической трактовки договора как соглашения двух или более сторон о взаимных обязательствах, порядке и сроках их исполнения. Общественный договор носит фундаментальный и длительный характер, охватывая всех индивидов. Люди объединяются в общество и заключают между собой договор из страха друг перед другом и для создания суверенной власти, которая бы поддерживала состояние равновесия. Договор прекращается с исчезновением этой власти в результате отречения монарха, захвата государства врагами, пресечения королевского рода. Расторжение договора допускается лишь в одном случае — когда он перестает соответствовать главной цели своего существования — обеспечению безопасности общества. Такая ситуация возникает, когда государство вместо защиты индивида начинает угрожать его жизни, лишая тем самым права на самосохранение. Гоббс, таким образом, создал совершенно новую интерпретацию договорной теории, используя ее для апологии сильного и даже тиранического государства. Его теория естественного состояния, в отличие от предшествующих, исходит не из того, чем люди были когда-то в древности, а стремится объяснить то, чем они могут стать потенциально, если исключить вмешательство в их жизнь авторитарной государственной власти. Поэтому, хотя Гоббс и использует терминологию договорной теории, он сформулировал новую ее модификацию, стоящую, по мнению ряда исследователей (довольно, на наш взгляд, спорному), вне основного течения политической мысли. Основным его вкладом в длительной перспективе признается, исходя из этого, не разработка теории общественного договора, а четкое изложение принципа суверенитета и отношения между суверенной властью и правом. В отличие от так называемых общественных животных (например, муравьев, пчел и т. д.) для которых свойственно согласие стремлений, говорит Гоббс, человеческое общество характеризуется единством воли. Это единство позволяет говорить о гражданском обществе или государстве как едином лице, в котором воплощается общая воля. На основании согласия многих людей, действующих под влиянием страха, данная воля предстает как воля их всех. Таким образом, Гоббс видит в общей воле некоторую абстрактную конструкцию, отличную от простой совокупности индивидуальных воль и этим сильно напоминающую ее последующую трактовку Руссо, который многим обязан английскому мыслителю. Масса людей, стоящих вне государства и представляющего его правителя (будь то собрание или один человек) неспособна самостоятельно выражать свою волю. Поэтому начальной стадией образования всякого государства следует считать согласие большинства людей на его создание путем взаимного отказа от части своих прав в пользу суверена. Образование государства происходит по Гоббсу следующим образом: многочисленные естественные лица объединяются в одно гражданское лицо либо под влиянием страха (в ходе завоеваний), либо в надежде на защиту. В первом случае возникает

деспотическое или патримониальное государство, во втором — политическое. Однако в обоих случаях для выполнения основного условия общественного договора (сохранения безопасности подданных) суверен должен обладать всей полнотой власти. Отсюда следует важный вывод, который можно было бы определять как закон неделимости суверенитета. Тот, кто обладает верховной властью, стоит над законом, ибо он творит его сам. Он имеет право на собственность граждан, поскольку она вообще возможна только при условии ее защиты от посторонних посягательств со стороны государства. Он держит в своих руках меч войны и правосудия, назначает и смещает должностных лиц и слуг государства, наконец, дает оценку различным учениям. Гоббс сравнивает государство с библейским чудовищем — Левиафаном, стремясь подчеркнуть безграничность и абсолютный характер его власти, опирающейся не на право, а на силу. В то же время, сравнивая государство с человеком, он отмечает, что властитель — это его душа, ибо только благодаря властителю государство приобретает единую волю, подобно тому, как человек имеет ее благодаря душе. Суверенитет для Гоббса тождествен с абсолютной властью и предполагает абсолютное подчинение ей. Общая воля или воля государства не связана гражданским законом или обязательствами по отношению к отдельным гражданам, которые должны беспрекословно выполнять веления высшей власти. Свобода личности — относительное понятие. Согласно математическому определению Гоббса, свобода — «есть не что иное, как отсутствие препятствий к движению. Следовательно, вода, заключенная в сосуд, несвободна, если же сосуд разбит, она освобождается. Большею свободой располагает тот, кто содержится в просторной темнице, чем тот, кто заключен в темнице узкой». Следуя этой логике, можно прийти к выводу, что свобода есть лишь право выбирать степень и способ ее ограничения. В истории политической мысли доктрина Гоббса традиционно интерпретировалась как теоретическое обоснование абсолютизма нового времени. Для этого, как мы видели, есть существенные основания. Важно, однако, отметить, что учение Гоббса в равной мере может быть интерпретировано и в пользу демократического порядка правления. Исторический процесс привел к тому, что суверенитет сконцентрировался в руках парламента, а сам парламент стал представлять не только интересы узкого привилегированного слоя, но и масс населения. Для такой трактовки учения Гоббса можно найти некоторые основания в его концепции форм правления. Следуя изложенной выше теории суверенитета, Гоббс резко критикует тезис античных авторов (прежде всего Аристотеля) о разделении всех форм правления на правильные и неправильные. По его мнению, это просто различные (более или менее пристрастные) названия одних и тех же форм правления, причем нельзя установить принципиальной разницы, например, между монархией и тиранией (чем сводится на нет оценка правления с позиций его законности). Бессмысленно говорить и о смешанных формах правления, ибо суверенитет неделим. По этой же при-

чине однозначно отвергается концепция разделения властей, реализация которой на практике, например, в смешанной монархии Аристотеля, ведет к закреплению различных функций за определенными социальными группами: власть устанавливать законы — за всеми гражданами, денежное обложение — за частью народа, суд — за магнатами, а решение вопроса о войне и мире — за монархом. Коренным недостатком такого разделения властей, считает Гоббс, является то, что в лучшем случае оно практически бесполезно, но зато в худшем (при возникновении конфликта) — ведет к углублению и оформлению раскола в обществе, результатом которого может стать распад общественного договора — гражданская война, т. е. фактическое возрождение естественного состояния с его анархией и войной всех против всех. Гоббс поэтому считает разумным лишь унитарное правление, формы которого он классифицирует по числу лиц, стоящих у власти, на демократию (где верховная власть принадлежит собранию всех граждан), аристократию (где она концентрируется в руках лучших людей или оптиматов) и монархию (где правит один человек), причем во всех случаях монополия на власть остается у какого-либо одного института. Проводится сопоставление трех форм власти с точки зрения их эффективности. Демократия, по мнению Гоббса, особенно неэффективный и дорогой способ правления, поскольку она отвлекает от работы большое число людей, осуществляется с помощью многочисленных партий и их вождей — честолюбивых демагогов, рвущихся к власти ценой раскола общества и угрозы гражданской войны. Все симпатии мыслителя на стороне твердой монархической власти, наиболее соответствующей подлинным интересам народа. Смена форм правления объясняется последовательной передачей власти от более представительной группы правителей менее представительной и, наконец, одному человеку, т.е. процессом ее концентрации. В истории мысли отношение к Гоббсу было прямо противоположным, однако никто не может отрицать его огромного влияния.

Одним из крупнейших последователей Гоббса был Спиноза, который интерпретировал естественное состояние как состояние взаимной ненависти и борьбы, при котором решающую роль играет право силы¹⁰. Нестабильность такого положения, содержащая постоянную угрозу человеческой жизни, побуждает людей к объединению в общество. Отличие подхода Спинозы от Гоббса в трактовке общественного договора состоит в том, что у него индивид передает свои права всему обществу, а не суверенному правителю, а государство, возникающее на такой основе, носит демократический, а не авторитарный характер. Таким образом, хотя переход из естественного состояния к гражданскому обществу осуществляется через общественный договор, центр тяжести приходится на естественные основания социального порядка, а не на государство. Гоббс и Спиноза разрушили традиционные представления средневековой теории естественного права о божественном происхождении и реальности существования определенных моральных норм, которые в их сочинениях

предстали как результат известного соглашения между индивидами, что означало принципиально новое решение проблемы общественно-договора. Использование естественного права (в более традиционной его трактовке) для обоснования абсолютизма нашло свое наиболее полное выражение в трудах таких германских мыслителей, как бранденбургский историограф и тайный советник Самуил Пуффендорф, влиятельный профессор университета в Галле — Христиан Томмазий и сторонник пиетизма Христиан Вольф, сыгравший решающую роль в разработке теоретической программы Просвещенного абсолютизма XVIII в.

Другое направление в теории общественного договора восходит к Локку и политической мысли эпохи Просвещения и Французской революции. Оно использовало теорию общественного договора для обоснования ограничения монархической власти со стороны общества, создав теоретические предпосылки либеральной демократии и конституционализма. Вклад Локка состоит в том, что он дал целостную и систематическую концепцию общественного договора, понятого как переходная стадия от естественного состояния к гражданскому обществу, обосновал тезис о согласии (консенсусе) как главном условии такого договора, указал на отношения собственности, политическую свободу и права человека как фундаментальные принципы гражданского общества, наконец, выразил эти идеи в ясной и доступной форме, что способствовало их распространению и превращению в своего рода идеологические постулаты в ходе американской и французской революций, а также в последующей либеральной традиции европейской политической мысли. Основным сочинением Локка по социально-политическим проблемам является «Два трактата о правительстве», над которым он работал более десяти лет. Первый трактат появился как полемический ответ консервативному монархическому писателю Р.Филмеру и вышел вскоре после издания его основного сочинения — «Патриарх: защита естественной власти королей против неестественной свободы народа» в 1660 г. Другой трактат был написан в период с 1679 по 1689 гг. — в годы, предшествовавшие эмиграции Локка в Голландию в 1683 и 1688—1689 гг., и содержит развернутое позитивное изложение концепции мыслителя¹¹. Если учение Гоббса можно рассматривать как результат теоретического осмысления первой Английской революции, то Локка обычно рассматривают как идеолога второй или Славной английской революции 1688—89 гг., когда в результате смещения с престола Якова II Стюарта и провозглашения королем Вильгельма III Оранского были существенно ограничены права короны и заложены основы парламентарного строя. Уже в первом своем трактате Локк последовательно выступает против той теологической трактовки теории естественного права, из которой вытекает представление о незыблемости и законности монархической власти. Коренное расхождение с Гоббсом, с одной стороны, и Локком, а также всей последующей просветительской мыслью, с другой, состоит в различной оценке метафизической природы человека и его способности

осознать разумность добра. Что же, в таком случае, составляет для Локка причину отказа людей от естественного состояния и перехода к гражданскому обществу? Она заключается в отсутствии единого центра, регулирующего отношения между людьми и разрешающего конфликты между ними, возникающие из-за взаимного несоответствия свободных волей. Естественное состояние, считает Локк, вовсе не тождественно состоянию постоянной войны индивидов друг с другом, скорее даже противоположно ему, однако содержит потенциальную угрозу таких столкновений ввиду отсутствия общего арбитра для разрешения споров и взаимных противоречий. Поэтому разум требует от людей объединения в общество и создания государства. В результате коренным образом меняется понятие свободы, которая в принципе определяется как право на любые действия, не противоречащие законам. В соответствии с этим в естественном состоянии свобода человека заключается в том, что его воля не связана ничем, кроме законов природы, в обществе — она не ограничена ничем, кроме его законов, установленных с общего согласия. Переход к гражданскому или политическому обществу и возникает при введении таких законов, содержащих гарантии жизни, свободы и собственности человека. Все три права тесно связаны между собой, а власть является верховным арбитром или третейским судьей в наблюдении за их реализацией. Из трудовой теории стоимости, свойственной вообще классической английской политической экономии, Локк делает вывод о разумности и справедливости превращения некогда общей собственности (прежде всего на землю) в частную, которая становится у него фундаментом гражданского общества и неразрывно связана со всеми другими правами человека, прежде всего — на свободу, как экономическую, так и политическую в рамках установленного закона. Проблема собственности вообще является центральной для локковской теории гражданского общества.

Основу гражданского (политического) общества по Локку составляет общественный договор, трактовка которого в принципе сходна с той, которую можно найти у Гоббса. Отступая от естественного состояния, люди во имя тех целей, ради которых они объединились в общество, отказываются от естественной свободы, равенства и всякой индивидуальной власти в пользу большинства сообщества. Так происходит заключение общественного договора, весь смысл которого и сводится к образованию единого политического общества и государства. Однако в отличие от Гоббса, склонявшегося, исходя из этого, к выводу о необходимости абсолютной власти, он считал что она, сама продолжая оставаться в естественном состоянии (ибо не связана ограничениями), не может выполнять функции третейского судьи, а следовательно — несовместима с гражданским обществом и не может вообще быть формой гражданского правления. Более того, Локк считает естественное состояние даже лучшим строем, нежели абсолютизм, ибо там каждый защищает свое право сам, здесь же все зависит от неограниченной власти правителя. Локк также выделяет три власти в государстве — законодательную, ис-

полнительную и федеративную, весьма подробно определяет их содержание и взаимоотношение между ними. Основной властью в обществе является власть законодательная, которая непосредственно вытекает из общественного договора и составляет сущность и организующую силу гражданского общества. В трактовке этой проблемы Локк подходит очень близко к сформулированной позднее Руссо теории народного суверенитета, хотя и не дает ей такой максималистской интерпретации. Законодательная власть действует в рамках закона, но не вопреки ему, а ее временные носители, по выполнении своих функций, сами оказываются вынужденными выполнять те законы, которые они приняли. Другой тип власти — исполнительная, возникает благодаря практической необходимости проводить решения высшей (законодательной) власти в жизнь, а также осуществляет непрерывное наблюдение за их исполнением. Наконец, третий тип власти — федеративная, регулирует отношения государства с другими государствами, находящимися по отношению к нему в естественном состоянии. Сюда относится круг вопросов, традиционно связанных с ведением международных отношений — право войны и мира, участие в коалициях и союзах, ведение переговоров с другими государствами и иностранцами. Хотя Локк и рассматривал разделение исполнительной и федеративной властей, он считал целесообразным совмещение их в одних руках, видя в этом средство усиления общества. Суммируя эти наблюдения, можно констатировать, что идея разделения властей проведена Локком достаточно последовательно, а в его схеме отсутствует единый критерий их разграничения, сохраняется некоторый параллелизм в их функциях (например, между законодательной и федеративной, между федеративной и исполнительной властью). Тем не менее, Локк хорошо осознает, что разделение властей создает объективную возможность конфликта, а потому довольно подробно характеризует отношения между ними. Главную проблему он усматривает в отношениях законодательной и исполнительной власти. Теоретически законодательная власть имеет неоспоримое преимущество над исполнительной, однако на практике их отношения могут быть значительно сложнее. Создание законов, в принципе, — кратковременная процедура, а их исполнение, наоборот, долговременная. Отсюда возникает угроза того, что власть имущие, не желающие расстаться с властью и теми ощутимыми привилегиями, которые она дает, пожелают продлить свое господство, попытавшись для этого расширить полномочия высшего законодательного органа или совместив функции законодательной и исполнительной власти в одних руках. Поскольку, отмечает Локк, искушение может быть слишком велико при слабости человеческой природы, склонной цепляться за власть, то те же лица, которые обладают властью создавать законы, могут также захотеть сосредоточить в своих руках и право на их исполнение, чтобы, таким образом, сделать для себя исключение и не подчиняться созданным ими законам и использовать закон как при его создании, так и при его исполнении для своей личной выгоды;

тем самым их интересы становятся отличны от интересов всего общества, противоречащими целям общества и правления. Этот вывод непосредственно вытекал из анализа истории английского парламентаризма и, в частности, — так называемого Долгого парламента, узурпировавшего власть на неопределенный период и разогнанного Кромвелем. Локк сформулировал идею, ставшую затем основной темой размышлений и споров в социологии политических партий и известную как железный закон олигархии. Однако узурпация власти возможна не только путем присвоения законодательной властью функций исполнительной, но и наоборот — путем установления контроля исполнительной власти за порядком деятельности законодательных органов. Эта, вторая, сторона проблемы интересует Локка даже более, чем первая, поскольку непосредственно связана в его представлении с борьбой королевской власти и парламента. Исполнительная власть, действующая на постоянной основе, вынужденная приспособлять общие положения законов к меняющейся практике управления, а также предпринимать собственные действия в случае отсутствия законодательных предписаний, — получает, тем самым, уникальную возможность выступать от имени закона, что в перспективе создает угрозу захвата всей власти. Право исполнительной власти самостоятельно интерпретировать закон, определяемое Локком понятием прерогативы, может стать источником тирании (власти, осуществляемой помимо права). В такой ситуации возникает конфликт между обществом и государством, который может носить социальный или политический характер: это распад общества (того договора, который его образует) или системы правления (системы институтов и органов власти). Проявлением этого становится в принципе изменение статуса законодательной власти в обществе и политического органа, ответственного за ее осуществление — его организации (административной структуры), состава, функций или компетенции, места в политической системе, порядка деятельности. Перерождение власти выражается прежде всего в изменении ее отношения к основным правам человека, т.е. посягательстве на «жизнь, свободу и имущество народа». Исполнительная власть также трансформируется в этом русле, причем Локк весьма полно характеризует пути ее возможной коррупции: здесь и изменение способа выборов, подкуп избирателей, искусственный подбор выборщиков, система гнилых местечек и т. п. явления, ставшие предметом всестороннего осмысления и критики в политической литературе лишь в значительно более позднее время. Такое развитие событий и подмена подлинной (избранной народом) власти фиктивной (либо путем насильственного устранения существующей законодательной власти, либо путем ее внутреннего изменения, когда она перестает отражать интересы народа) ведет к расторжению общественного договора и ввергает общество в состояние войны, где действует только голая сила. Очевидно, что теория эта явилась теоретической основой борьбы парламента против абсолютной власти монарха и обобщила в себе опыт английских революций. Локка не

смущает даже упрек в том, что теория эта ведет к гражданской войне. По его мнению, винить следует тех, кто своими действиями привел к ней, а не тех, кто отстаивает в ней свои права. Объектом его критики становится в этой связи королевская власть. Учение о формах правления Локка разделяет их все на несколько основных типов в соответствии с тем, в чьих руках находится верховная или законодательная власть. Это совершенная демократия, олигархия, монархия (которая разделяется на наследственную и выборную) и, наконец, смешанная форма правления, которой отдает предпочтение мыслитель. Сам Локк склоняется к той форме правления, которая традиционно существовала в Англии — король, палата лордов и палата общин.

4. Две модели политической системы. Народный суверенитет и представительное правление. Руссо и Монтескье

Руссо, с именем которого обычно ассоциируется теория общественного договора, был скорее ее ярким популяризатором, но одновременно внес в нее ряд оригинальных черт. Человек, заявляет он в своем главном труде, рожден быть свободным, но повсюду он в цепях. В чем причина этого? Какова природа социального строя? Для ответа на эти вопросы, считает он, необходимо выяснить *исначальную природу самого человека*. Для Руссо она определяется как стремление человека к свободе¹². Принимая этот метафизический постулат за доказанное положение и отправной пункт своих дальнейших рассуждений, Руссо подвергает резкой критике всех тех мыслителей, которые, подобно Аристотелю, Гроцию и Гоббсу разделяли род человеческий на господ и рабов. Естественное состояние, согласно Руссо, понималось не как состояние войны Гоббса и не как средоточие мира и доброй воли Локка, а представляло собой состояние оторванности от мира, изолированности, в котором человек был физически и нравственно гораздо более совершенен, чем в последующую эпоху цивилизации. Война характеризует отношения людей не в естественном состоянии (когда им нечего делить), а при переходе к обществу, когда возникает частная собственность, конфликты по поводу ее распределения, а отношения вещей вытесняют отношения людей, порождая их взаимное отчуждение. Война ведется, следовательно, не между людьми, а между политическими образованиями — государствами, а результатом ее может быть только порабощение одного народа другим, установление деспотической власти. Одним словом, в бедствиях человечества виновата феодальная система, которая противоречит естественному праву и рациональной организации государства. Гражданское общество и государство стали результатом растущей испорченности людей, были навязаны богатыми бедным и укрепились в ходе исторического развития. Для разумного устройства общества необходимо раскрыть первозданные,

гармоничные отношения между людьми, не испорченные налетом цивилизации. Теория общественного договора служит Руссо для обоснования особого типа отношения общества и государства, при которых правительство носит легитимный характер, общественный договор есть ассоциация, образуемая для защиты личности, имущества и гражданской свободы индивидов, каждый из которых безраздельно подчиняет себя общей воле. В результате заключения общественного договора возникает единый общественный и моральный организм, имя которому государство. Восстановление общественной гармонии, утраченной со времени естественного состояния, возможно путем реализации нового политического принципа — народного суверенитета, который встал на место государственного суверенитета. Именно поэтому учение Руссо, казалось бы, противоположное абсолютистской доктрине Гоббса, имеет с ней так много общего. Как и Гоббс, Руссо, начав с индивидуалистической природы человека, пришел в конце концов к апологии общественного, коллективистского начала, что нашло выражение в тиранической власти большинства над меньшинством. Общая воля, к которой апеллирует Руссо, отличается от индивидуальной воли человека, не совпадает она и с волей большинства, которая является лишь совокупностью составляющих ее частных волей. Общая воля, следовательно, есть некоторый метафизический абсолют, постулат общей цели, который в принципе не поддается никакой эмпирической версификации, не может быть проверен или изменен, скажем, с помощью конкретных социологических методов. Поэтому при внешней простоте и демократизме теории Руссо, его постоянных ссылок на общественный договор и народную волю, его учение, как отмечали многие критики, является крайне метафизическим и глубоко авторитарным, представляя собой одну из наиболее тоталитарных доктрин в истории человечества¹³.

Как неоднократно отмечалось исследователями творчества Руссо, основные положения его теории не доказываются, а скорее декларируются как нечто очевидное, являясь, однако, на деле глубоко неверным или, в лучшем случае, крайне упрощенным отображением действительности. Это относится прежде всего к тезису об общей воле, оказавшему огромное влияние на последующие политические доктрины Гегеля, Маркса, Ленина, а также важнейшим следствием из него. Верховная власть, образованная с согласия всех членов общества и выражающая общую волю, не может уже в силу этого противоречить их интересам, а потому сама постановка вопроса о возможности какого-либо контроля над властью со стороны общества теряет всякий смысл. Руссо даже не приходит в голову мысль о возможности несоответствия интересов общества и групп или лиц, стоящих у власти, противоречиях между ними, которые как раз являются центральной проблемой современной политической социологии. Именно в такой безапелляционной трактовке общей воли и кроется причина превращения доктрины Руссо в идеологию якобинцев, оправдывающую однопартийную диктатуру и кровавый террор.

Сам Руссо допускал возможность несовпадения общей воли с частной волей или интересами отдельных индивидов, которые в силу тех или иных причин оказываются недостаточно сознательными для понимания перспективных задач всего человечества. Какие же меры следует предпринять в этом случае? Оказывается, самые традиционные: Руссо не видит другого способа решения проблемы кроме принуждения, организованного государственного насилия в отношении индивида. Для того, чтобы общественный договор не был пустой формулой, заявляет он, общество должно исходить из молчаливого допущения следующей практики: «если кто-нибудь откажется повиноваться общей воле, то он будет к этому принужден всем организмом; это означает только то, что его заставят быть свободным, так как таково условие, которое, отдавая каждого гражданина отечеству гарантирует его от всякой личной ответственности». Эта идея переключается с известным тезисом Ленина о том, что диктатура пролетариата есть новая форма демократии, лучше всего она была сформулирована Оруэллом в его известном романе об утопическом тоталитарном государстве, где основным пропагандистским лозунгом стало утверждение — «свобода — это рабство». Действительно, только общая воля должна быть руководящей и направляющей силой государства для достижения им главной цели — общественного блага. Соответственно, лишь общая воля, а точнее — верховная власть, действующая от ее имени, осуществляет неограниченный контроль и управление всей общественной жизнью. Верховная власть наделяется рядом важных атрибутов. Она неотчуждаема, поскольку является единственным выразителем общей воли и, следовательно, не может быть передана в другие руки. Она неделима, поскольку общая воля существует лишь как целое и не может быть разделена на части. Она всегда права, ибо народ, являющийся носителем общей воли, не может хотеть себе вреда и в принципе стремится к общественной пользе. Единственная опасность, впрочем, вполне реальная, которую усматривает Руссо в такой организации общества и верховной власти, состоит в том, что сама общая воля может быть введена в заблуждение. Источник этой опасности усматривается в появлении политических союзов или партий, которые раскалывают монолитную целостность всеобщей воли. Воля каждого из этих союзов становится всеобщей по отношению ко всем его членам и частной по отношению к государству, вследствие чего государственная власть перестает быть выразителем всеобщей воли в полном смысле слова. Такая опасность действительно стала реальностью в эпоху торжества парламентской демократии, когда, как показал Острогорский, крупные партии монополизировали осуществление воли избирателей и раскалывают общество на несколько непримиримых лагерей. Проблема, однако, заключается в том, какой выход из этой ситуации следует избрать? Руссо намечает два таких пути: во-первых, отмена всех союзов и, во-вторых, допущение такого их многообразия, при котором они будут как бы уравновешивать друг друга и ни один из них не получит решающего перевеса во

влиянии на народ. Как явствует из всего контекста рассуждений Руссо, первый способ, которым руководствовался Ликург, да и почти все другие авторитарные правители в истории человечества, ему значительно ближе, в то время как второй, который был характерен для Солона, Нумы и Сервия Туллия, представляет собой скорее дополнительное средство, к нему необходимо прибегать как к меньшему злу в условиях демократии. Интересно, что Руссо, располагавший еще незначительным историческим опытом истории общественных организаций подобного рода (античное наследие, опыт швейцарских кантонов и итальянских государств), сформулировал, тем не менее, весьма точно те два основных подхода к политическим партиям, которые получили развитие во всей последующей политической мысли вплоть до современности. Авторитарные и демократические режимы в соответствии с этим решают проблему политических партий диаметрально противоположными способами — их уничтожением или допущением полной свободы их организации. Общественный договор Руссо дает политической власти неограниченный характер и обосновывает ее право на всеобъемлющее применение принудительной силы по отношению к оппонентам. Всякого рода меньшинства, оппозиционные группы или фракции тем самым оказываются поставленными вне закона уже в самый момент своего появления, ибо претендуют на особый статус в обществе и по отношению к власти. В результате мы получаем законченную картину тоталитарного государства, в котором индивид полностью лишен какой-либо свободы выбора. Отправным пунктом рассуждений Руссо об идеальном государственном устройстве становится идея его сознательной организации по определенному заранее разработанному плану. В этом отношении Руссо выступает последователем Платона и предшественником Маркса с их идеями широкомасштабной социальной инженерии, направленной на трансформацию общества в соответствии с открытыми философами вечными и разумными законами общественного бытия.

Интересно, что внутреннее родство этих мыслителей проявляется даже в тех сравнениях и метафорах, к которым они прибегают. Платон говорит о правителе, как враче, лечащем общественные недуги, а о процессе управления, как ткацком искусстве. Маркс предпочитает сравнение с архитектором, который отличается от пчелы тем, что заранее представляет образ и план возводимой постройки. Что касается Руссо, то он вполне успешно использует оба эти сравнения. Подобно тому, говорит он, как архитектор, прежде чем возвести большое здание, исследует и зондирует почву, чтобы убедиться, выдержит ли она его тяжесть, мудрый законодатель не может издавать законов, которые хороши сами по себе, не обсудив предварительно, в состоянии ли тот народ, которому он их предполагает, исполнить их. Дело в том, что всякая идея централизованного управления, планирования или общественного регулирования неизбежно предполагает наличие некоторого единого центра, в который поступает информация извне и из которого выходят готовые

решения — команды, безукоснительное исполнение которых есть необходимое условие динамичного функционирования всей системы. Носителями этой функции могут быть различные социальные элементы — правители-философы Платона, законодатели Руссо, профессиональные революционеры Ленина, но суть их деятельности всегда сводится к одному — управлению обществом, которое становится в идеале единственным способом регулирования общественных отношений, превращая все их элементы в инструменты политической власти. Это и есть путь создания государственности тоталитарного типа. Обращаясь далее к основным компонентам социально-политической доктрины Руссо, мы найдем там все характерные признаки всякой авторитарной доктрины. Это прежде всего коллективизм, вытекающий из равенства всех членов общества по отношению к верховной власти, которая, по крайней мере теоретически, не отдает предпочтения никому из них. Общественный договор раз и навсегда наделяет граждан равными правами и обязанностями, от обеспечения которых они не могут уклониться. Руссо убежден, что отношения народа и власти носят при этом гармонический характер: «Это не соглашение высшего с низшим, но соглашение тела с каждым из его членов; соглашение законное, потому что его основанием является общественный договор; справедливое, потому что оно общее для всех; полезное, потому что оно не может иметь, помимо общего блага, другой цели, и прочное, потому что гарантией ему служат общественная сила и верховная власть». Заключение общественного договора делает государство хозяином всего имущества гражданина, а его самого превращает в условного собственника, который остается им лишь до тех пор, пока соблюдаются условия договора. Вообще Руссо, определенно являющийся предшественником современного коммунизма и анархизма, очень критически относится к частной собственности на землю.

Идея Руссо о неразрывности общей воли и верховной власти, с одной стороны, различиях составляющих ее властей — с другой, оказала значительное влияние на последующую, прежде всего германскую, политическую мысль. Оно прослеживается в учении об обществе и государстве Канта, но особенно — Гегеля, Фихте и Маркса, стремившихся на этой философской основе решить проблему соотношения общества и государства.

Учению Руссо в науке традиционно противопоставляется теория другого французского мыслителя — Ш.Монтескье, изложенная в его знаменитом труде «О духе законов» (1748)¹⁴. На это действительно есть серьезные основания.

Продолжая традиции Локка в политической мысли, Монтескье сформулировал принципы государственного устройства, резко отличающиеся от тоталитарной демократии Руссо и представляющие собой скорее ее антитезу — либеральную демократию. Если основной вклад Руссо усматривается в его теории народного суверенитета, оправдывавшей борьбу народов против тирании монархов, то основным достижением Монтескье следует признать концепцию правопо-

го государства и разделения властей, нашедшую выражение практически во всех конституциях демократических государств современного мира. Если поэтому, доктрина Руссо носит скорее разрушительный, деструктивный характер и преобладает в периоды революционных взрывов, то теория Монтескье имеет большее значение для конструктивной созидательной работы по созданию государства современного парламентского типа и в этом отношении имеет всемирно-историческое значение. В период Французской революции учения Руссо и Монтескье одновременно являлись идеологическим основанием преобразования общества и сочетались в воззрениях многих ведущих теоретиков (например, Мабли, Сийеса). Некоторые исследователи сделали на этом основании вывод об их внутреннем сходстве, в частности, в концепции разделения властей¹⁵. Трудно, однако, согласиться с этим положением, которое стало оспариваться другой группой ученых. Современная наука и исторический опыт XX в. убеждают, что учения Руссо и Монтескье представляют собой два в корне различных мировоззрения, первое из которых было прообразом тоталитарного государства, а второе — современной либеральной демократии.

В развитии политической науки теория Монтескье сыграла переломную роль, ибо этот мыслитель фактически создал основы ее метода. Во всяком случае он первым начал сознательно и систематически использовать сравнительное изучение права разных стран для получения обобщающих выводов о закономерностях развития политического процесса. Данный подход создал прочную эмпирическую основу для теоретических обобщений и, одновременно, показал способ их возможной проверки на значительном историко-правовом материале, к которому, по мере развития науки, присоединялись разнообразие другие виды источников. Тем самым был открыт путь накоплению знаний об обществе и, особенно, политической сфере его деятельности, вытеснению абстрактных общеполитических размышлений об этих явлениях их позитивным анализом, который, в сущности, составляет смысл современной науки. Монтескье, как и его предшественники, разделявшие рационалистическую интерпретацию теории естественного права, выводит основные законы мироздания из первоначального разума и неизменной природы вещей. Законы природы и общества находятся во взаимной гармонии, неизменны и подчинены некоему высшему началу. Однако люди, являясь существами с двойственной (физической и разумной) природой, подчиняясь первым, часто нарушают вторые законы, создавая вместо них свои собственные, которые также не остаются незыблемыми. Задача исследователя состоит, поэтому, в том, чтобы проанализировав всю совокупность этих законов, связанных между собой в некоторую единую систему, установить, какие из них отвечают подлинным общим принципам человеческой природы и разума, а какие являются лишь результатом изменчивой и пристрастной человеческой фантазии. Отправным пунктом рассуждений Монтескье стано-

вится тезис о слабости человека в естественном состоянии, когда люди жили по законам природы и когда все заставляет их трепетать, все обращает в бегство. Это состояние слабости весьма напоминает чувство страха, которое Гоббс считал важнейшей предпосылкой объединения людей в общество, однако оно является более интегрирующим понятием, охватывающим не только отношения между людьми, но и зависимость людей от природы — среды обитания, климата, пищи, что сближает его с некоторыми современными экологическими воззрениями. Естественное состояние Монтескье, в отличие от Гоббса и даже Локка, понимает как совершенно бесконфликтное взаимоотношение людей, объединенных общим стремлением к выживанию в тяжелых условиях. Общественный договор приводит к утрате людьми сознания слабости и незащищенности, однако он же ведет к утрате ими равенства, росту взаимного несогласия и стремлению разрешить его с помощью силы. Это ведет к войне между индивидами, а затем и целыми народами. Стремление урегулировать противоречия и предотвратить войну приводит к осознанию необходимости правового регулирования. Так возникает право гражданское (регулирующее отношения между людьми), политическое (между правителями и управляемыми) и международное (между различными народами). Таким образом, существование общества основано на разумной природе людей, способных осознать необходимость подчинения единым законам. «Закон, — пишет Монтескье, — говоря вообще, есть человеческий разум, поскольку он управляет всеми народами земли; а политические и гражданские законы каждого народа должны быть не более как частными случаями приложения этого разума». Монтескье действительно дает типологию всех существующих типов общества в соответствии с рядом критериев, как социально-политического, так и естественно-исторического и географического характера. Согласно этой типологии все общества различаются, во-первых, формой правления, во-вторых, его природой, в-третьих, принципом правления, а также совокупностью параметров, связанных прежде всего с географическим положением страны — ее величиной, климатом, общими свойствами, характером жизни народа, его численностью, благосостоянием, религией, нравами и обычаями. Кроме того существенное значение могут иметь, так сказать, субъективные факторы — обстоятельства возникновения государства, цели законодателя, порядок, на котором оно утверждается. Все эти критерии сравнения объединяются единым интегрирующим понятием — «дух законов», которое и вынесено в заглавие его труда.

Существование всякого общества делает необходимым объединение сил индивидов в одну общую силу — публичную власть, сосредоточенную в правительстве. Подобно тому, как дух законов выражает разнообразие организаций общества, другое интегрирующее понятие — «природа правления» дает возможность осуществить типологию организаций правления. Монтескье выделяет три основных образа или формы правления, различающиеся по числу лиц,

стоящих у власти, а также по характеру самой этой власти. Это республика, где верховная власть находится либо в руках всего народа (демократия), либо части его (аристократия); монархия, где она находится в руках одного человека, управляющего в соответствии с установленными и неизменными законами; и деспотия, где власть также принадлежит одному человеку, однако осуществляется исключительно в соответствии с его волей и произволом. Наряду с общим понятием природы правления Монтескье при классификации форм власти вводит еще одно — принцип правления. Каждой форме правления соответствует свой особый принцип: для демократии — это добродетель, для монархии — честь, для деспотии — страх, причем искажение этих принципов ведет к деградации и гибели данных форм правления. Вопрос о содержании и соотношении этих понятий неоднократно становился предметом обсуждения в научной литературе. Согласно мнению большинства современных исследователей, понятие «природа правления» отнюдь не сводится к каким-либо индивидуальным количественным или качественным его признакам (как, например, число лиц, обладающих властью или степень законности их правления), но представляет собой их синтез — фундаментальную характеристику всякого политического строя, напоминающую современное понятие политического режима. Принцип правления может быть определен как некоторая сила, обеспечивающая целостность и стабильность данного государственного устройства, форма которого реализует определенную социальную целевую установку. Кроме того можно сказать, что природа правления и его принцип соотносятся между собой как две различных модели (структурная и функциональная) одного социального явления. «Различие между природой правления и его принципом, — пишет сам Монтескье, — в том, что природа его есть то, что делает его таким, каково оно есть; а принцип — это то, что заставляет его действовать. Первая есть его особенный строй, а второй — человеческие страсти, которые двигают им». Как перевел еще Н.М.Коркунов «природа — это структура правления, принцип — это страсти человека, заставляющие его двигаться»¹⁶. Если из природы вытекают законы, устанавливающие ту или иную форму правления, то из принципа — законы, поддерживающие и сохраняющие это устройство. Природа правления — анатомия власти, принцип правления — его физиология. Если эта логика интерпретации учения Монтескье верна, то он выступает как один из предшественников современной политической социологии и, в частности, структурно-функционального подхода к объяснению власти. Монтескье выводит даже нечто вроде социологического закона обязательного соответствия природы правления ее принципу, нарушение которого ведет к их конфликту и неизбежному разрушению существующей формы правления. Подход Монтескье к проблемам политической власти характеризуется вниманием к механизму ее функционирования — технологии ее приобретения, удержания и использования, что придает его анализу

социологический характер и необыкновенный динамизм. В этом отношении он продолжает традицию Аристотеля и Макиавелли, значительно обогащая ее. Особое внимание обращается при этом на те стороны всякого типа правления, которые, получив при определенных условиях преобладающее значение, могут представлять реальную угрозу для сохранения политических свобод общества и индивида. Для демократических государств эта опасность коренится в системе выборов, несовершенство которой может привести к ее перерождению в тиранию. Дело в том, что народ, которому при данной форме правления принадлежит вся полнота законодательной власти, не всегда обладает достаточным разумом для того, чтобы определить, как ей воспользоваться — «иногда он все ниспровергает своими сотнями тысяч рук, но бывает и так, что на своих сотнях тысяч ног он ползает, как насекомое». Руководствуясь не столько здравым смыслом, сколько эмоциями, всякое народное собрание может легко сделаться неуправляемым или оказаться во власти демагогов. Монтескье, следовательно, видит проблему именно там, где Руссо усматривал ее решение: его интересует не установление народного суверенитета, а вопрос о том, каким образом он будет осуществляться. «Для республики, — подчеркивает Монтескье, — столь же важно определить, как, кем, перед кем и о чем будут производиться голосования, как для монархии знать, кто государь и как он должен управлять». Основной способ оградить общество от тирании большинства Монтескье усматривает в ликвидации равенства и разделения народа на различные классы с несовпадающими интересами, существование которых является гарантией прочности и процветания демократии. В создании такого строя он видит великую заслугу Солона, Сервия Туллия и других подобных реформаторов, создавших классы по имущественному или аристократическому принципам. Очевидно, что Монтескье выступает против равенства не столько из-за консерватизма своих убеждений, в чем его часто упрекали, сколько из-за политического реализма, предчувствия опасности того, что в наше время получило название плебисцитарной демократии, демократического цезаризма или бонапартизма. Возникающая таким образом в республике власть, по его мнению, значительно опаснее всякой монархии, ибо приводит к гораздо большей концентрации полномочий в руках одного человека, который, к тому же, «не встречает никакого противодействия со стороны законов, не предусмотревших этого обстоятельства». В качестве примера служат Монтескье римские диктаторы, венецианская инквизиция и тому подобные формы сильной исполнительной власти. В связи с этим рассматриваются способы ограничения такой власти по линии ее компетенции, функций и сроков действия. Историческими прецедентами таких ограничений являются политические системы Афин, Польши, Рагузы и пр., что возможно, однако, в небольших государствах. Подобной форме правления противопоставляется умеренное монархическое правление, где власть государя ограничена прерогативами сенъоров, духовенства, дворянства и городов. В трактовке

этой проблемы Монтескье, как позднее Токвиль, не только следует своим аристократическим симпатиям, как отмечали некоторые исследователи его творчества, но и достаточно последовательно проводит свои политические убеждения, выражающиеся в поиске сил, каким-либо образом сдерживающих монархическую власть и мешающих ей превратиться в обычную деспотию. В этой перспективе он дает новую интерпретацию традиционно существовавшего в европейской и, особенно, французской политической мысли (прежде всего монархмахов) учения об отличии истинной монархии от деспотии. Согласно этому учению монархическая власть действует в рамках фундаментальных законов естественного права, «запечатленных в сердцах французов», но отнюдь не вопреки им. Наличие таких законов, или своего рода неписаной конституции, говорит Монтескье, «предполагает существование посредствующих каналов, по которым движется власть». К числу таких посредствующих властей между обществом и вершиной административной пирамиды в лице монарха относятся отдельные сословия и институты, парламенты, духовенство, дворянство и города, а также совещательные учреждения при государе. Особенно подробно останавливается Монтескье на вопросе о контролирующей функции власти. Ее не может осуществлять Королевский совет, который «по самой природе своей есть исполнитель и блюститель тех распоряжений монарха, которые имеют временный характер, а не охранитель основных законов». Недостатки этого учреждения Монтескье усматривает в том, что оно, во-первых, постоянно меняется, во-вторых, не действует непрерывно, в-третьих, не может быть многочисленным, в-четвертых, не пользуется в достаточно высокой степени доверием народа. Если сформулировать все эти пункты в позитивном плане, то становится ясно, что антитезой такому учреждению как Королевский совет является парламент или, как нарочито неопределенно говорит Монтескье, — политическая коллегия, «которая обнаруживает вновь изданные законы и напоминает о существующих, когда о них забывают». Подлинным идеалом Монтескье является, следовательно, конституционная монархия, где вполне определенно проведено разделение властей на законодательную (парламент), исполнительную (монарх) и судебную, которое в наибольшей степени отвечает потребности в правовом государстве.

Важнейший вклад Монтескье в политическую науку и практику состоит без сомнения в разработанной им главным образом на материале английского политического опыта теории разделения властей. О происхождении и источниках данной теории в старой юридической литературе долгое время шли острые споры. В сущности их подоплеку составляла одна принципиальная проблема: является ли концепция разделения властей Монтескье универсальным методом создания правового парламентского государства или она носит более частный характер и отражает преимущественно англосаксонскую практику его построения? Поскольку этот вопрос имел актуальное политическое значение, особенно, в таких странах, как Германия и

Россия, где переход от абсолютизма к конституционной монархии вставал на очередь дня в конце XIX — начале XX в., источники воззрений французского мыслителя становились темой оживленных дебатов. В них довольно определенно прослеживаются два полярных подхода. Одни исследователи весьма настойчиво отстаивали тезис о заимствованном характере всей доктрины Монтескье, указывая на сходство его теории разделения властей с учением Локка, Блекстона или даже Джонатана Свифта, развивавшего идею о смешанной форме правления, где представлены три носителя власти — монарх, аристократия и народ. По их мнению, взгляды Монтескье можно рассматривать лишь как обобщение и популяризацию английской политической теории и парламентской практики. В отечественной литературе данную точку зрения наиболее последовательно развивал М.М.Ковалевский. Другое направление научной мысли, не отрицающее влияние на Монтескье английской политической теории и действительности, приходило, тем не менее, к противоположному выводу, рассматривая его теорию разделения властей как вполне оригинальное учение. Согласно этой точке зрения, Монтескье весьма последовательно развивал достаточно устойчивые и восходящие еще к Аристотелю и отцам церкви традиции континентальной политической мысли. Так, Аристотель, как мы видели, различал три элемента государственного устройства — власть законосовещательную; власть правительственную; и власть судебную. Однако, первая из выделенных им властей — законосовещательная не является полным аналогом современного понятия законодательной власти, ибо, в отличие от последней, включает в себя не только разработку и принятие законов, но также выполнение многих функций исполнительной и даже судебной властей по современной их классификации (например, право войны и мира, заключения договоров, приговоры к смертной казни и конфискации имущества). Две другие власти — правительственная и судебная также заняты исполнением не только своих непосредственных функций. В средние века своеобразное учение о разделении функций государственной власти можно найти у Марселия Падуанского, который часто рассматривается как один из предшественников теории народного суверенитета, отстаивавшей верховенство народа и подчинение ему монарха. В соответствии с этим он обосновывает дуалистическую организацию государства, различая два основных вида власти — законодательную, которая является верховной и принадлежит народу и правительственную или исполнительную власть монарха, в состав которой входит и судебная. Сходные идеи можно обнаружить у последующих мыслителей, например, Николая Кузанского и монархомахов. Наконец, непосредственный предшественник Монтескье — Дж.Локк фактически также следует этой логике дуалистического разделения властей. Он выделяет прежде всего власть законодательную и исполнительную, к которой добавляет затем третью — федеративную (состоящую в ведении международной политики государства) и, как считают некоторые ученые, даже четвертую — прерогативу. Однако две

последних власти он считает целесообразным объединить с исполнительной властью. Что касается судебной власти, то Локк специально не занимается ей и не определяет ее как самостоятельную. Сравнение учения Локка с теорией Монтескье позволяет отметить между ними как черты сходства, так и существенные различия. Прежде всего Локк может рассматриваться в качестве предшественника Монтескье, поскольку он является первым теоретиком конституционного государства. Он первым обосновал, далее, идею о том, что принцип разделения властей должен быть положен в основу государственности не только из-за его функциональной полезности, но в целях защиты политических свобод граждан. Наконец, в его трудах находим целостную концепцию соотношения властей, хотя и лишенную единого критерия их подразделения. Тем не менее, нельзя игнорировать различия воззрений Локка и Монтескье. Главным из них является то, что Локк не настаивает на абсолютном разделении властей как гарантии свободы индивида. Он склоняется скорее к традиционной дуалистической модели их подразделения, хотя и добавляет в нее новые элементы. Наконец, в его системе властей отсутствует в качестве самостоятельного компонента власть судебная, организация которой с точки зрения Монтескье и современной науки играет принципиальную роль в создании и функционировании правового государства.

Сочинения английских философов и личные наблюдения дали мощный импульс для создания теории разделения властей, однако в целостном и завершенном виде она могла возникнуть только во Франции кануна революции. Как отмечал один из сторонников данной точки зрения — русский ученый Коркунов, — идея о необходимости распределения и равновесия властей высказывалась Монтескье еще в раннем его труде — «Персидских письмах» (1721 г.), написанном еще до поездки в Англию, хотя и с большой нерешительностью. В написанных позднее, уже по возвращении из Англии, «Размышлениях о величии римлян» (1734 г.) государственное устройство, основанное на равновесии властей уже без всяких оговорок признается лучшим, а английская конституция ставится выше всех других. Однако равновесие властей, основанное на борьбе различных элементов общества, понимается здесь еще как разделение единой государственной власти, причем монарх может совмещать исполнительную и законодательную власть. Наконец, в «Духе законов» понятие «разделение властей» уступает место другому — «распределение властей», а монарх становится исключительно главой исполнительной власти. В наиболее полной форме теория Монтескье излагается им в особой — одиннадцатой книге Духа законов с характерным названием: «О законах, устанавливающих политическую свободу в ее отношении к государственному устройству». Политическая свобода определяется как «душевное спокойствие, основанное на убеждении в своей безопасности». А это возможно лишь при том условии, что один гражданин не будет бояться другого. Это